

*20 октября (1 ноября по новому стилю)
1894 года, Ливадийский дворец, Крым*

Высочайшая аудиенция с корреспондентом газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Пьером Загоскиным была назначена ровно в полдень в Приемном кабинете. Царь по этому случаю надел свой парадный мундир и около четверти часа позировал фотографу на фоне беломраморного камина. После того, как фотограф сделал свое дело и удалился, началась беседа, которая через два дня была полностью и без малейших купюр опубликована в воскресном выпуске «Ведомостей».

Корреспондент: Добрый день, ваше величество! Как вы себя чувствуете?

Его Величество: Добрый день, Пьер. Спасибо, чувствую себя очень неплохо.

Корреспондент: Давайте сразу перейдем к делу, если нет возражений.

Его Величество: Согласен, переходите.

Корреспондент: Ваше величество, в обществе ходят самые разные слухи о вашем недомогании... Более того, говорят даже о смертельной болезни, поразившей ваш организм.

Поведайте из первых, так сказать, уст — так ли это или все это не более, чем досужие сплетни?

Его Величество: Я буду говорить прямо — да, недомогание имело место. И его можно было смело назвать смертельным... такой термин, как «нефрит», вам знаком?

Корреспондент: Это, если не ошибаюсь, болезнь почек. Ее у нас, кажется, не лечат... Это как чахотка, правильно?

Его Величество: Совершенно верно по обоим пунктам — болезнь почек, такой диагноз мне в августе поставили придворные медики, и срок жизни они отвели мне не более двух месяцев.

Корреспондент: Минуточку... с августа же прошло уже больше двух месяцев — придворные медики ошиблись?

Его Величество: Ну что вы, наши медики весьма квалифицированные и умелые специалисты, они поставили мне совершенно правильный диагноз. Но не учли одно обстоятельство...

Корреспондент: Внутренние резервы организма?

Его Величество: И это тоже, но в основном меня спасло другое — божественное вмешательство.

Корреспондент: Ваше величество, а можно побольше подробностей — нашим читателям это будет особенно интересно.

Его Величество: Конечно, Пьер, я для этого вас и пригласил, чтобы поделиться такими подробностями. Дело в том, что две недели назад

мне явился архангел с неба... вот в этот самый кабинет.

Корреспондент: Как он выглядел? Крылья у него были?

Его Величество: Нет, никаких крыльев, с виду это был обычный человек в обычном гражданском платье. Сказал, что его зовут Георгий и предложил записать формулу и способ производства лекарства, которое должно меня вылечить. Я записал... потом передал эту записку своему лечащему врачу Сергею Боткину, а он связался с нашим самым известным химиком Менделеевым...

Корреспондент: С Дмитрием Ивановичем? Из Петербургского университета?

Его Величество: Да, с ним. И они совместно в самые сжатые сроки создали это лекарство... Результат перед вами — я жив и здоров, чего желаю и всем гражданам Российской империи. Да, назвать это лекарство я решил ливадином, в честь места, где оно впервые появилось на свет.

Корреспондент: Это очень интересная история, ваше величество, но нашим читателям были бы интересны и другие подробности встречи с ангелом... с Георгием, да? Довольно неожиданное имя для ангела.

Его Величество: Да, я тоже сначала удивился — был бы Гавриил или Израил, это было бы понятнее. Но ангелов, как оказалось, не выбирают.

Корреспондент: А что еще сказал ангел гм... Георгий в беседе с вами?

Его Величество: Сказал, что лично он и вышестоящие ангелы давно наблюдают за Россией и желают ей успехов и процветания. Обещал, что заглянет еще как-нибудь ко мне... Сроков только не обозначил.

Корреспондент: В высшей степени захватывающая история, ваше величество. А вот насчет этого лекарства... ливадина... вы готовы обнаружить его формулу и способ получения?

Его Величество: Сожалею, но пока не готов. Лекарство должно пройти апробацию на широком круге пациентов, после этого, может быть, обнаружим его формулу. И в любом случае ливадин будет запатентован в российских и зарубежных патентных бюро.

Корреспондент: Вы что-нибудь еще хотите сказать широкой массе российских читателей?

Его Величество: Да, конечно. В честь моего чудесного спасения я принял решение воздвигнуть храм святого Георгия в Петербурге. На углу Невского и Литейного проспекта. А также я принял решение основать фонд имени святого Георгия, куда будут направляться десять процентов от доходов императорского двора. Отныне и во веки веков. На совершенствование народной медицины и исцеление недужных и немощных.

Информация к размышлению. Российская империя в конце XIX века, территория и население

В конце XIX века территория Российской империи составляла 22 миллиона квадратных

километров и включала в себя, помимо Великороссии, Малороссии и Белоруссии, еще и такие образования, как Финляндия, Прибалтика, Польша, Молдавия, Закавказье, Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток. В стране насчитывалось 12 часовых поясов, климатические зоны от Арктики до субтропиков и уклады населения от первобытнообщинного до продвинутого капитализма.

Однако большой проблемой было крайне неравномерное заселение территории, 70% населения жило в Европейской части, а Сибирь с Дальним Востоком были практически пустыни.

Первая перепись населения была проведена в 1897 году, и она показала, что всего в стране проживает 129 миллионов человек. Причем три четверти из них составляло крестьянство (которое тоже делилось внутри себя на кулаков, середняков и бедняков в пропорции 20/30/50). Наемных рабочих (не только промышленных, а всех) насчитывалось 13%, оставшиеся 12% составляли дворяне, духовенство, мещане и интеллигенция.

По национальному составу лидировали, конечно, русские — 65%, малороссов насчитывалось 19%, белоруссов 7%, оставшиеся 9% равномерно распределялись между всеми прочими нациями.

Что касается религии, то преобладающим, естественно, было православие, сюда относилось три четверти населения, ровно столько же, сколько занимало крестьянство. Оставшаяся

четверть приходилась в порядке убывания на мусульманство, католицизм, католичество, иудаизм и буддизм. С чем, с чем, а с этими отношениями в России тогда все было в порядке, религии мирно уживались друг с другом, эксцессы, связанные с межрелигиозными спорами, возникали крайне редко... В виде исключений можно вспомнить разве что армяно-татарскую резню в Баку и единичные еврейские погромы в Молдавии и на Украине.

Что касается Польши и Финляндии, то эти территории были довольно слабо интегрированы в общую структуру и кроме головной боли мало что добавляли властям. Особенно это касалось Польши — тоска по утраченному былому величию мучила головы шляхтичам на протяжении уже 80 лет. Восстания в этом регионе происходили с удручающей периодичностью, и явно с Польшей надо было что-то решать в радикальном смысле. Финляндия была более спокойной, но решения Александра Первого по выделению этого региона в особую юрисдикцию также не способствовали спокойствию на Северо-Западных границах страны. Да и присоединение Карелии к финским территориям также вызывало много вопросов, которые впоследствии очень горько аукнулись России и россиянам.

Что именно с ними можно было сделать, вопрос исключительно непростой и однозначных решений тут сложно было придумать. Надо было либо ломать особые условия вхождения этих территорий в страну, пусть жили бы на-

равне с той же Грузией или Молдавией, либо отделять их окончательно и бесповоротно, оговорив все это особыми условиями. А терпеть занозу в виде ясновельможных и всегда оппозиционных шляхтичей в теле страны — это был путь в никуда... Что и продемонстрировали десятилетия XX века, вспомнить только Дзержинского, Радека или Пилсудского.

Двумя неделями ранее. Тот же Ливадийский дворец, тот же Крым

С самого утра у Александра было отвратительное настроение, постоянные боли в районе живота преследовали его последние два года. Стены Ливадийского дворца, богато изукрашенные мозаикой и гобеленами, ничего, кроме отвращения у него не вызывали.

— Что, совсем плохо, Сани? — участливо спросила его супруга, императрица Мария Федоровна.

— Да, нехорошо мне, Мари, — ответил император с посеревшим лицом, — пойду занимаюсь государственными делами... к себе в кабинет... может, легче станет. Не беспокойте меня до вечера.

— Хорошо, Саша, — кивнула головой Мария, — не будем беспокоить... Может Сергея Петровича (Боткина, личного врача императора) пригласить?

— Не стоит, — поморщился тот, — до вечера я занят делами.

И государь-император тяжелой поступью зашел к себе в Приемный кабинет и закрыл за

собой дверь. Настроение у него было — хуже не бывает. Он прошел в угол и встал на колени перед иконой Георгия-победоносца.

— О, всесвятый Георгий, преславный служитель Господень, горячий наш заступник, и везде в скорбях скорый помощник! Помоги мне, грешному и унывающему: в нынешней жизни умоли Господа Бога даровать мне отпущение всех моих грехов, сколько согрешил я от юности моей в течение всей моей жизни делом, словом, помышлением и всеми моими чувствами; и при исходе души моей помоги мне, несчастному, умоли Господа Бога, всего творения Создателя, избавить меня от воздушных мытарств и вечного мучения, дабы я постоянно прославлял Отца, и Сына, и Святого Духа, и твое милостивое предстательство, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Но пресвятой Георгий промолчал, тогда Александр встал, отряхнул колени и прошел за свой стол из карельской березы, на котором стоял бронзовый чернильный прибор, подарок уральского промышленника Строганова. Он открыл и снова закрыл крышку чернильницы, потом взял чистый листок бумаги из стопки слева и начал писать «Завещание его Императорского Величества Александра III».

Но тут его внимание отвлекло непонятное явление, возникшее прямо в середине Приемного кабинета — сначала воздух задрожал, как будто снизу что-то раскаленное появилось... Александр вспомнил свой визит в Бухару — там такие же явления были от горячего песка.

А затем это дрожание застопорилось и реорганизовалось в прямоугольник размерами где-то полтора метра на метр. И на нем, на этом прямоугольнике, появилось лицо молодого человека с короткой стрижкой, без усов и бороды. Одет он был в самый обычный костюм с галстуком.

— Здравствуйте, Александр Александрович, — обратился он к императору.

— Свят-свят-свят, — троекратно перекрестился тот, — изыди, сатана!

— Я не сатана, Александр Александрович, — прижал руки к груди молодой человек, — и зовут меня Георгий.

— Победоносец? — само собой вырвалось из уст самодержца.

— Если хотите, можете называть меня так, — наклонил он голову набок, — ну что, успокоились?

— Император всегда спокоен, — взял себя в руки Александр, — кто вы такой и что вам надо? — а потом добавил градуса в обсуждение: — Я сейчас охрану позову.

— Это же не в ваших интересах, дорогой император, — ответил Георгий, — потому что в этом случае я не смогу спасти вашу жизнь.

— Так, — Александр встал и мелкими шагами начал приближаться к прямоугольнику, — с этого места поподробнее, будьте любезны.

А сам он тем временем дошел до изображения Георгия и оказался на другой стороне экрана.

— С этой стороны со мной тоже можно общаться, — сообщил тот, — а что касается

вашего драгоценного здоровья, то и я, и вы прекрасно знаем, что жить вам осталось самое большее месяц, верно?

Александр вернулся в свое кресло, закурил сигару и ответил так:

— Я вас очень внимательно слушаю, Георгий, излагайте.

— У вас нефрит, дорогой император, и в том времени, где вы живете, это не лечится, — продолжил Георгий, — знаете об этом?

— Догадываюсь, — буркнул в ответ Александр, — а вы, я так понимаю, не из этого времени, да?

— Совершенно верно — я из XXI века. Родился в 2025 году, и сейчас мне 29 лет, это ровно через 150 лет от сегодняшней даты.

— И как там у вас, в XXI веке? — машинально вылетело из императора.

— По-разному, — поморщился Георгий, — но если в целом, то гораздо лучше, чем у вас. В среднем люди у нас доживают до восьмидесяти одного года, сравните с нынешними сорока пятью... давайте, однако, переходить к делу.

— Хорошо, давайте к делу, — положил руки на стол император, — вы, кажется, хотели меня вылечить, верно?

— Верно, — ответил, улыбаясь, Георгий, — возьмите листик и ручку и запишите, что вам понадобится для излечения.

Он подождал, пока Александр найдет все это, потом продолжил:

— У нас это лекарство называется стрептомицин, это производное от названия плеснево-